

Проблемы осмысления самости в научно-теоретических исследованиях

С. С. Кургинян

Проблема отношения личности к себе в психологии (от философско-психологических представлений к научной теории)

В статье на основании анализа ряда актуальных философско-психологических проблем из сферы психологии отношений личности (проблема объективной необходимости «носителя» психической активности, ее источника, характера и специфики этого источника) обсуждаются методологические предпосылки к построению концептуально отличного от предыдущих представлений о проблеме отношения личности к себе в психологии.

Ключевая идея связана с отношением личности к себе как к субъекту психической активности. При этом личность рассматривается как субъект отношения к себе, т. е. к собственной «самости», которая характеризует ту сферу индивидуального бытия человека, в которой «действующее лицо» (субъект сознательной деятельности) и эмпирический субъект (носитель определенных переживаний себя как реального субъекта) в психической жизни человека присутствуют в неразрывном единстве, целостности всех его свойств и качеств: природных, социальных, личностных и индивидуальных.

Ключевые слова: индивидуальный уровень бытия человека, отнесенность, отношение к себе, «самость», принцип субъекта, психическая активность личности, психический субъект, структура «самости» личности, психическое отношение, эмпирический субъект.

Отношение личности к себе как проблема объективной необходимости «носителя» психической активности. Среди актуальных современных проблем психологии личности и ряда других отраслей психологической науки обращает на себя внимание неоднородность мнений и противоречивость подходов к проблеме *отношения личности к себе*. Традиционное психологическое рассмотрение данной проблемы связано с определением объективного *содержания*, составляющего ту или иную *форму* внутреннего отношения личности. Так, для общепсихологического направления характерен анализ самосознания личности, которое в качестве одного из своих структурных компонентов включает в себе *самоотношение*, выражающееся в самооценке или эмоциональном отношении к себе. В социально-психологических теориях объективным содержанием отношения личности к себе является *опыт отношения к себе подобными*, который она приобретает в процессе взаимодействия (интеракции) с другими индивидами [21]. Психоаналитическое направление, в частности теория объектных отношений¹, при объяснении отношения личности к себе (self-relation) исходит из рассмотрения структурных элементов психики (например, «Ego») и определяет данное отношение в качестве интрапсихического феномена, производного от процесса интернализации объектного отношения внутрь психики.

Очевидно, что попытки исследователей в изучении отношения личности к себе напрямую связаны с объяснением *объективных характеристик психической активности личности*, которая выражается в ее отношении к себе как к носителю этой активности, т. е. ее субъекту. Субъект, таким образом, имманентно присутствует при объяснении качественного своеобразия внут-

¹ Теоретической и концептуальной основой *теории объектных отношений (Object-Relation Theory)* послужила *психология объектных отношений (Object-Relation Psychology)* З. Фрейда, М. Кляйн, Г. Салливана и Р. Файрберна (см.: [17]).

ренного отношения личности, которое является психической деятельностью субъекта, осуществляемой во внутреннем плане его психики, на уровне индивидуальной формы бытия человека. Однако здесь речь идет о деятельности, которая бы определялась исходя не из самой себя как некая данность, а из объективной характеристики активности субъекта, которую она (деятельность) обуславливает для обеспечения и поддержания индивидуальной специфики человеческого бытия [1]. Зачастую в качестве объективной характеристики психической активности субъекта выделяют *самость* личности, методологический статус которой в отечественной психологической науке остается на уровне гипотетической сущности. По-видимому, связано это с исторически сложившимся методологическим затруднением в постановке проблемы «самости» и ее категоризации в отечественной психологии.

В общетеоретическом плане характерным для отечественных исследователей является рассмотрение данного феномена в связи с *теорией личности и самосознания*, а также в связи с конкретными закономерностями развития ребенка [7]. Это затруднение в первую очередь обусловлено ориентацией исследователей на то или иное отечественное психологическое направление, в котором проблема «самости», как правило, напрямую не формулировалась. Можно выделить несколько ключевых направлений, в пределах которых эта проблематика получила свое развитие: объективную психологию В. М. Бехтерева, характерологию А. Ф. Лазурского, культурно-историческую психологию Л. С. Выготского, субъектно-деятельностную концепцию С. Л. Рубинштейна и концепцию интегральной индивидуальности В. С. Мерлина. Общим для обозначенных направлений является то, что *самость* воспринимается как некая *гипотетическая конструкция*. Зачастую данная конструкция по своему содержанию сводится к таким психологическим категориям, как *внутренняя активность, интегральная целостность, идентичность, индивидуальность*. По тому, как *самость* предстает личности, эта конструкция, как правило, обозначается категорией «Я», отсюда «самость» и «Я» фактически отождествляются, хотя затем (и чаще всего) «Я» определяется как «Я-концепция», т. е. презентуется «самость», а не ее сущность.

Данное затруднение еще более усугубилось в связи с некорректным переводом ряда понятий¹, заимствованных из зарубежных психологических теорий на нормативный язык отечественной психологии, и тем более с дальнейшим их приобщением к конкретной области психологической науки в соответствии с ее специфическим предметом и методологическим аппаратом исследования. Не претендуя на лингвистическую точность, можно заметить, что в большинстве случаев процесс заимствования протекал вне логики процедуры научного перевода англоязычного термина «Self» («селф»), а также немецкого «Selbst» на нормативный психологический язык. При этом правила транслитерации, транскрипции и калькирования как основные приемы заимствования иностранных терминов, как правило, игнорировались. Кроме того, введение в научный оборот понятия «самость» не только предполагало языковую компетенцию исследователей, но и требовало более глубокого осмысления его философской проблематики как в зарубежной, так и в отечественной науке. Для отечественной науки это в первую очередь поиск и обоснование как в языковом отношении, так и в собственно научно-методологическом наиболее приемлемого эквивалента термину «self», каковым, по

¹ Например, таких как «Я-концепция» («Self-Concept»), «Я-образ» («Self-Image»), «Эго» («Ego»), «Я-феномен» («Self-phenomenon») и др.

всей вероятности, должен быть термин «самость»¹. В ряде методологических работ по психологии, тем не менее, встречаются (хотя и очень редки) корректные ссылки, перевод и приобщение данного понятия к общепсихологическим категориям. Так, в трудах Б. Ф. Ломова при освещении методологических и теоретических проблем психики имеется указание на понятие «селф» и его значимость в определении сущности мира сознания (см.: [8. С. 137]).

Выявлению подлинной сущности «самости», ее онтологического статуса необходимо уделить особое внимание при рассмотрении *отношения личности к себе*, поскольку ее принадлежность конкретному индивиду (субъекту) может быть объяснена лишь исходя из качественного своеобразия внутреннего отношения личности и той объективной необходимости, которая побуждает субъекта осуществлять это отношение в форме *психической активности*.

Очевидно, что разработанность проблемы «самости» личности или противоречивость ее постановки проявляется не только в психологии, но и в других науках о человеке. И связано это, прежде всего, с приверженностью исследователей к той или иной онтологической, гносеологической или методологической традиции в определении научного статуса «самости» в конкретной области социально-гуманитарного знания.

И несмотря на то что существует разнообразие методологических подходов к изучению «самости» (эпистемологического, феноменологического, аналитического), каждое *единичное* исследование, будь то психологическое, антропологическое или социологическое, имеет дело с одной и той же философской проблемой, которую Эрик Олсон сформулировал так: «Существует ли “самость”? Познаваема ли она? Относится ли к телесному?» [24. Р. 49]. Философ отрицает саму идею «самости», утверждая: «Поскольку не существует согласованного использования термина “самость” или дифференциальных признаков, или даже концептуальных доказательств “самостей”, то не существует и представления о “самости”, чтобы его можно было включить в философскую проблематику. Этот термин приводит к затруднениям, противоположным тем, которых можно избежать; и поскольку логическое рассмотрение вопросов по обозначению “самости” в действительности представляется дискуссиями о других сущностях, этот термин неуместен» [Там же].

Из анализа литературных источников следует, что большинство исследований в этой области зачастую применяют подход к определению «самости», который является производным от классического философского понимания сущности «самости» как «*internal mental presence*»². Гален Струсон [26; 27] методично с метафизических позиций *моделирует саму проблему*, а не предпринимает попытки моделировать «самость». По убеждению философа, метафизика должна сопутствовать феноменологии в постижении философской проблемы «самости». Струсон [26] утверждает, что человек обладает особым ощущением от переживания «самости» и воспринимает ее как не иллюзорную, и именно этот факт, по мнению философа, должен стать *источником* в постижении проблемы «самости». Отсюда логика моделирования философской проблемы «самости» выстраивается следующим образом: «...первое, что необходимо сделать, — это проследить проблему в связи с данным источником для того, чтобы прийти к более подходящей идее о том, что это

¹ Если отвлечься от категориального научного статуса данного термина в науке, то в Толковом словаре русского языка «самость» истолковывается как «индивидуальность, самобытность, своеобразие» [10. С. 695].

² Некоего внутреннего ментального состояния «присутствия» [26].

ощущение представляет собой. Первый вопрос, который необходимо задать, является *феноменологическим вопросом*

Какова природа ощущения “самости”?

Однако этот вопрос, прежде всего, более эксплицитно воспринимается как вопрос о человеческой сущности: как *частный феноменологический вопрос*

(1) Какова природа ощущения “самости”?

Каким бы ни являлся ответ на (1), он поднимает *основной феноменологический вопрос*

(2) Существуют ли другие возможности, когда возникает ощущение “самости”? (Можем ли мы описать наименьший факт подлинного состояния овладения ощущением “самости”?)

Ответы (1) и (2) поднимают *вопрос об условиях*

(3) Каковы основания и предпосылки состояния овладения ощущением “самости”?

и данный вопрос поднимает ряд вспомогательных вопросов. Тем не менее здесь осуществляется продвижение, по крайней мере, потенциально. Если найдутся удовлетворительные ответы на (1), (2) и (3), то это даст возможность поднять *фактуальный вопрос*, фундаментальный и непосредственно метафизический вопрос и ответить на него

(4) Существует ли (могла ли существовать) такая сущность, как “самость”?» [26. Р. 2]¹

Как бы ни определяла та или иная философская традиция «самость», эта человеческая сущность остается двойственной. С одной стороны, при характеристике «самости» речь идет о «субъекте переживания, несмотря на то, что “самость”, безусловно... не индивид, поскольку под индивидом понимают нечто подобное человеческому существу... рассматриваемое как материально существующая целостность» [27. Р. 483], с другой стороны, это «целостный объект, который одновременно является материальным и ментальным, общественным и индивидуальным, непосредственно воспринимаемым и недостаточно воображаемым, всеобщим и специфически культурным» [23. Р. 35]. Обозначенная двойственность допускает двойное толкование сущности «самости», которое наиболее наглядно представлено в анализе Эди [16]: «Объект рассматривается как нечто, что должно осознаваться или обращать на себя внимание. Далее объект относится не только к “физическим” предметам, но и к таким ментальным сущностям и процессам, как боль, ощущения, память, образы, мечты и фантазии, эмоции, мысли, представления, [сильные] желания и т. д. <...> Быть субъектом — значит осознавать и понимать. Я, субъект, могу осознавать некий объект; я могу концентрировать сознание на

¹ «...the first thing to do is to track the problem to this source in order to get a better idea of what it is. The first question to ask is the phenomenological question:

What is the nature of the sense of the self?

But this, in the first instance, is best taken as a question explicitly about human beings: as the local phenomenological question

(1) What is the nature of the human sense of the self?

Whatever the answer to (1) is, it raises the *general phenomenological question*

(2) Are there other possibilities, when it comes to a sense of the self? (Can we describe the minimal case of genuine possession of a sense of the self?)

The answers to (1) and (2) raise the *conditions question*

(3) What are the grounds or preconditions of possession of a sense of the self?

and this question raises a battery of subsidiary questions. But progress is being made, at least potentially. For, if one can produce satisfactory answers to (1), (2) and (3), one will be in a good position to raise and answer the *factual question*, the fundamental and straightforwardly metaphysical question

(4) Is there (could there be) such a thing as the self?»

внимании, сосредоточенном на конкретном объекте; и я могу отличить себя от объекта, к которому я отношусь»¹ [16. Р. 442].

Характерно, что при объяснении двойственной сущности «самости» философы и психологи-теоретики сходятся в одном, а именно что восприятие себя связано с психической активностью ее субъекта. Здесь *психический субъект* представлен вообще и как «действующее лицо»² (nominative self) (см.: [12. С. 65—67]), и как объект — «конкретное, эмпирическое существо» [Там же. С. 66], т. е. эмпирический субъект (empirical self) [19]. На самом деле психика и сознание личности не первичны, а обладают особой онтологической функцией обеспечения и поддержания индивидуальной специфики человеческого бытия как субъекта [1; 4]. Отсюда «самость» воплощает ту сторону психической (сознательной, бессознательной и подсознательной — согласно Фрейдю) активности личности, в которой личность предстает в онтологическом качестве субъекта данной активности. В этой связи обобщающей характеристикой трактовки субъекта как *действующего лица и/или конкретного, эмпирического существа* является его целостность, хотя в том или ином исследовании эти трактовки могут быть отражены относительно автономно.

Наиболее обобщающее философское представление о «самости» представлено Строусоном [26]. В своем тщательном методологическом анализе с метафизической, феноменологической и материалистической позиций он предпринимает попытку определения «самости» как ментальной сущности, которая, как правило, «воспринимается или переживается как:

- (1) *вещь* (предмет, явление), в некоторой степени устойчивая к внешним воздействиям;
- (2) в некоторой степени некая *ментальная сущность*;
- (3), (4) единичная сущность (предмет, явление), которая является единичной как *при рассмотрении с точки зрения соотношений между ее составными частями в один период времени, так и при рассмотрении развития ее во времени*;
- (5) *действительно отличная* от всех других сущностей (предметов, явлений);
- (6) *субъект переживания*, сознательно чувствующий и думающий;
- (7) *агент* (некая действующая сила, фактор, средство);
- (8) *сущность*, которая обладает определенным характером или личностью»³ [26. Р. 3].

К выделенным характеристикам «самости» он обращается при моделировании ответов на вопросы о природе *ощущения* «самости», возможностях возникновения этого ощущения, об основаниях и предпосылках состояния ее ощущения и т. д. [Там же. Р. 6]. Эти характеристики служат аргументациями по логически выстраиваемой формуле при ответе на тот или иной вопрос.

¹ «[The object] refers to anything anyone might be aware of or pay attention to it. It refers, then, not only to the 'physical' objects, but also to such 'mental' entities or processes as pain, sensations, memories, images, dreams, and daydreams, emotions, thoughts, concepts, desires, and so on. ... To be a subject... is to be aware or conscious. I, subject, can be aware of some object; I can focus awareness in attention paid to that object; and I can distinguish myself from the object I attend to».

² В терминах С. Л. Рубинштейна (см.: [12. С. 65—71]).

³ I propose that the mental self is ordinarily conceived or experienced as:

- (1) a *thing*, in some robust sense
- (2) a *mental thing*, in some sense
- (3), (4) a *single thing* that is single both *synchronically* considered and *diachronically* considered
- (5) *ontically distinct* from all other things
- (6) a *subject of experience*, a conscious feeler and thinker
- (7) an *agent*
- (8) a thing that has a certain character or *personality*».

Например, ответ на основной феноменологический вопрос о природе ощущения «самости» представляется следующим образом: любое истинное ощущение «самости» должно заключать в себе представление о «самости» как единичной ментальной сущности, которая отлична от других сущностей и является субъектом переживания ((1) + (2) + (3) + (5) + (6)), однако не предполагает как представления о «самости» в качестве некоего агента (движущей силы) (7), так и обладания характером или личностью (8) или предполагает продолжительность рассмотрения развития «самости» во времени (4).

Очень интересен ход мыслей и рассуждение философа в отношении «вещественной» природы «самости», ее единичности и множественности, однако следует заметить, что Строусон [26; 27] в своем анализе абстрагируется от природы человеческой личности. Его логические умозаключения склонны абсолютизировать роль сознательного в сознании и отчасти не без основания *нивелировать связь с личностью как носителем сознания*. Философ считает очевидным, что «самость», воспринимаемая или переживаемая как *сущность*, которая обладает определенным характером или личностью (8), не является необходимым компонентом какого-либо возможного ощущения ментальной «самости», аргументируя это тем, что переживание «самости» с необходимостью не включает в себя опыта этого переживания, подобного тому, каким обладает личность. Строусон [26] видит причину в некой разнovidности недостаточного локуса сознания, которое представляется не только обособленным, но и лишенным личности, освобожденной от специфики характера, является абсолютным (когнитивным) мнением. Он объясняет это фактами абстрагированности мысли, «деперсонализации» при истощении или одиночестве или при общем тяжелом депрессивном состоянии. Развивая свою мысль далее, философ утверждает, что личность есть нечто такое, что остается незамеченным и в действительности необнаруживаемым в момент настоящего. Личность в этой связи — это то, мимо чего проходят, смотрят мимо, а не нечто такое, к чему обращаются; всеобщее и необозримое условие жизни, подобное воздуху, а не какому-то объекту переживания. Подобные существенные различия подтверждают мнение, что необходимы описание и классификация явлений «самости», прежде чем давать ответ на фактуальный вопрос о том, существует ли такая сущность или нет (см.: [26. Р. 13—14]).

По-видимому, ограниченность метафизического подхода, которого придерживается философ, выразилась в вынужденном обособлении от *личности* как субъекта переживания ментальной «самости». Эта ограниченность, прежде всего, проявилась в абсолютизации осознаваемых элементов сознания (сознание самого себя) и в отвлечении при их характеристике от взаимной связи явлений «самости» с конкретным, эмпирическим существом, т. е. *объектом восприятия и внутреннего чувства, переживания*¹. Первое свидетельствует о том, что во взглядах философа прослеживается тенденция рассматривать предмет, взятый сам по себе, второе — что психическая сущность ментальной «самости» (mental self) в понимании философа определяется в соотношении с субъектом переживания только через его сознание, игнорируя при этом другую, не менее существенную характеристику психического — отношение субъекта к независимому от сознания объекту [13]. И несмотря на то что попытки Строусона направлены на обоснование феноменов, полагающих *нечто*, называемое «самостью», они приводят к тому, что он остается в пределах классического подхода к проблеме «само-

¹ «Онтологическим субъектом» — в терминологии К. А. Абульхановой.

сти», где «самость» рассматривается как общее представление об унифицированной сущности, которая является источником сознания.

Для западной философской традиции в психологии, в частности психологии У. Джеймса, характерно рассмотрение личности как воедино связанной динамической целостности или совокупности психических характеристик и поведения, формируемой множеством внешних воздействий. Очевидно, что введение в психологию понятия личности предполагает объяснение психических явлений исходя из реального бытия человека как онтологического существа в его взаимосвязях с материальным миром (см.: [11. С. 307—316]). В философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна [11] отражено положение, согласно которому внешние воздействия связаны со своим психическим эффектом лишь опосредствованно, через *личность*, где личность определяется как целостная совокупность внутренних условий, основание закономерностей психических процессов. Такое определение, по мнению философа, освобождается от метафизики, субъективизма и приобретает свое значение для психологии. В этой связи «самость» как психическая характеристика личности, отражающая свойства ее сознания и поведения (согласно тому, как этот феномен представлен в зарубежной психологической литературе¹), может рассматриваться как внутреннее условие для понимания так называемых «само»-процессов: самооценки, самоотношения, самопознания, самосознания, саморегуляции и др.

Из вышесказанного следует, что «самость» по сути своей не может быть эквивалентом личности, в то же время она не может рассматриваться как нечто, взятое само по себе, существующее вне личности, поскольку свою *родовую* сущность она обнаруживает через категорию *отношение* в ее связи с категорией *личность*. К тому же, если обратиться к конкретной области научного знания о человеке, где в качестве специфического предмета выступает *личность* человека, например генетике, неврологии или психологии (в особенности к клинической (медицинской) психологии; дифференциальной и генетической психологии; психологии развития, возрастной и прикладной психологии), «самость» изучается во всех своих взаимосвязях с человеческой природой. Проявляя себя в данных взаимосвязях, «самость» представляется человеку в телесной, ментальной (психической) и душевной *отнесенности*. Эта «отнесенность» в философско-психологических концепциях представлена в качестве концептов: «телесного образа» (у Джеральда Маерса это так называемый «Body-Image» [22]), «ментальных образов» (у Джорджа Мида — «mental images» [21]) и «образа души» (у Густава Юнга — «Soul-Image» [20]).

Личность и ее отношение к себе как к субъекту отношения. Определенно можно заключить, что исходя из потенциальных значений «самости» и ее функций, опосредствованных связью (отношением) с личностью, возникает то разнообразие подходов, к которым исследователи из разных областей социально-гуманитарного знания обращаются при изучении этого психологического феномена. Как следствие, можно наблюдать появление того разнообразия определений «самости», которое приводит к неоднородности мнений по поводу категориального статуса этого понятия *в психологии*, а именно: рассматривать ли «самость» как *свойство* личности или как *состояние*, обеспечивающее или поддерживающее функционирование тех или иных психических процессов, характеризующих специфику внутреннего мира личности, или же как *процесс*, который про-

¹ Об этом более подробно см., напр., [15. Р. 2—29].

исходит в личности и в совокупности с личностью образует целое¹. Здесь немаловажную трудность составляет и тот метод, к которому обращаются исследователи. Учитывая, что базовой основой анализа проблемы «самости» послужили теоретико-методологические предпосылки, сложившиеся, как правило, в классической философской традиции, где этот феномен рассматривался как некая *гипотетическая сущность*, существующая в мире действительности, но недоступная наблюдению (например, декартовская «мыслящая вещь» или кантовская «вещь в себе»), изучение «самости» традиционным естественно-научным методом представляется сложным или, по крайней мере, накладывает определенные ограничения на способ познания.

Как уже отмечалось, родовую (генетическую) сущность «самости» можно установить только через категорию «отношение» в ее связи с категорией «личность»². Отсюда принадлежность этого психического явления личности как субъекту отношения обуславливает отношение *личности к себе*.

В субъектной парадигме психологии психическое отношение — это потенциал психической реакции личности в связи с каким-либо предметом, процессом или фактом действительности [9]. При этом сознание, чувство и воля представляют то процессуальное триединство, которое потенциально выражается в отношении к объекту. В нашем конкретном случае он представлен как *конкретное эмпирическое существо* (эмпирический субъект). В этой связи, согласно В. Н. Мясищеву, важным является соотношение процессуального и потенциального психического и отношения человека. Характеризуя потенциальное психическое, ученый отмечает, что оно не является предметом непосредственного наблюдения, а определяется на основе умозаключения. Соответственно представленность эмпирического субъекта (объекта, или *empirical self*) в отношении личности к себе — это потенциал психической реакции личности в связи с собственными мыслями, ощущениями, переживаниями, действиями и последствиями их осмысления. В свою очередь, все перечисленные в отношении личности к себе психические процессы обусловлены психической активностью действующего лица (субъекта, или *nominative self*). Позиция В. Н. Мясищева может показаться клонящейся к двойственности, дуализму. Однако это не так, наоборот, она означает синтез двух обязательных планов рассмотрения психического отношения: потенциального и процессуального.

«Отношений личности концепция» В. Н. Мясищева хотя и представляет собой оригинальный подход, согласно которому отношения существуют между личностью человека — субъектом и объектом его отношений, тем не менее вопрос о личности как психологическом субъекте в данной концепции непосредственно связан с произвольными психическими процессами. Отсюда психологическое отношение определяется как сознательная, избирательная, основанная на опыте психологическая связь человека с различными сторонами объективной действительности, выражающаяся в его действиях, реакциях и переживаниях [9]. Можно заметить, что субъект отношения здесь представлен в своем специфическом смысле, как субъект сознательной, произвольной деятельности.

¹ Такая трактовка «самости» представлена феноменологической и аналитической традицией в психологии, например, в трудах Карла Роджерса и психоанализе Зигмунда Фрейда.

² Это есть общелогическая категориальная основа для понимания того, как родовое свойство человека раскрывается через его отношение (см.: [12. С. 65]).

С. Л. Рубинштейн [11] для понимания психологического строения личности исходил из положения, что понятие личности применительно к психологии не может быть сведено к понятию субъекта в его узком, специфическом смысле¹. Философ утверждал, что психическое содержание личности не исчерпывается мотивами сознательной деятельности, поскольку оно также включает в себе многообразие неосознанных тенденций — побуждений его произвольной деятельности. Отсюда С. Л. Рубинштейн делает вывод, что вопрос о личности как *психическом субъекте* непосредственно связан с соотношением произвольных и произвольных психических процессов. Важным представляется в рассуждениях Рубинштейна, что так называемый специфический субъект — это «верхушечное образование, неотделимое от многоплановой совокупности тенденций, составляющих в целом психологический склад личности» [11. С. 312].

Таким образом, личность как субъект отношения к себе отражает два уровня психического отношения субъекта: 1) произвольный, сознаваемый и 2) произвольный, несознаваемый. Однако можно заметить, что это всего лишь *предметная* процессуальная характеристика отношения субъекта к себе, отражающая только один план такого психического феномена, как «самость». Одноплановость здесь заключается в том, что «самость» представлена как принадлежащая *действующему лицу*, т. е. личности как субъекту сознательной деятельности с ее сознаваемыми, произвольными и/или несознаваемыми, произвольными тенденциями. При такой трактовке «самость» сводится к объекту субъекта отношения. Эта трактовка не совсем правомерна, поскольку, как справедливо замечает выдающийся немецкий философ, психолог и психиатр К. Ясперс [14], присутствие субъекта и объекта в психической жизни личности, в которых «самость» («Selbst») противопоставляет себя себе самой, слагает ее бытие — «Selbstsein»². В этой связи «самость» как предмет отношения личности предполагает единство психического субъекта и его объекта.

Для западной философской традиции в психологии характерно, что психический субъект и его объект представлены в психологической структуре личности в своей целостности и единичности. Эта традиция берет свое начало из учения о личности и ее сознании американского философа и психолога У. Джеймса [18; 19]. Понятию «самость» («Self») ученый отводит особую роль в изучении личности. Он отмечает, что на фоне многообразия литературных источников по данной проблематике их авторов можно было бы отнести к представителям трех направлений: субстанциализма (substantialism), ассоцианизма (associationism) или трансцендентализма (transcendentalism). Себя Джеймс противопоставляет этим философским течениям, хотя не отрицает того факта, что его учение инкорпорирует их основные элементы³. Природу «самости» он видит в сознании, а именно в «stream of consciousness» («потоке сознания»). В этой связи Джеймс выделяет в личности два *постоянно присутствующих* элемента: nominative self (отнесенность к лицу, тому кто познает, — Knower) и empirical self (то, что познается, — Known). Первый элемент выражен субъектной формой познания как «Я» («I»), т. е. это действующее лицо или субъект, второй — объектной формой

¹ Здесь под специфическим субъектом рассматривается сознательный деятель, или «действующее лицо». Его ядро составляют осознанные побуждения — мотивы сознательных действий. В этой связи всякая личность, по мнению Рубинштейна, — это субъект в смысле «Я» [11; 12].

² Карл Ясперс [14] употребляет термин «Selbstsein» для обозначения бытия «самости».

³ «The literature of the Self is large, but all its authors may be classed as radical or mitigated representatives of the three schools we have named, substantialism, associationism, or transcendentalism. Our own opinion must be classed apart, although it incorporates essential elements from all three schools» [18. P. 371].

как «Мне» или «Меня» («Me»), т. е. то, что составляет содержание субъектного познания. Эти положения У. Джеймса предопределили дальнейшее развитие концепта «самость» («self-concept») в англоязычных исследованиях по данной проблематике. Например, в трудах К. Роджерса [25] self-concept представлен как «I-concept» и «Me-concept».

Опираясь на философские воззрения У. Джеймса, Р. Бернс [15] обратился к изучению субъекта переживания (experiencing agent) и неотделимых от него психологических процессов. Он выделил «самость», рассматриваемую в целом (Global Self), в которой заключены два аспекта: 1) «самость» в качестве того, кто познает, или «Я», т. е. это процесс активного переживания, и 2) «самость» в качестве того, что познается, или «Меня» (объектная форма личного местоимения «Я»), т. е. содержание того, что переживается¹. Далее ученый описывает ряд трудностей как философского, так и теоретико-методологического порядка, ссылаясь на то, что первый аспект «самости» — это номотетический концепт, т. е. он универсален, поскольку каждая личность обладает способностью проявлять активное переживание и осознавать «самость»; второй аспект — это идиографический концепт, т. е. это то, как конкретный индивид знает себя. Разрешение обозначенных трудностей и ряда других, возникающих в ходе исследования, позволило Бернсу описать структуру «самости» личности и выделить в ней непосредственно сам концепт «самость» как некую организацию установок на себя (рисунок).

В целом можно заметить, что в зарубежных психологических исследованиях описание «самости» личности через ее отношение, как правило, относилось только к тому аспекту, который представлен отношением к эмпирическому субъекту. Эмпирический субъект в отношении личности к себе — это та психическая реальность субъекта отношения, в которой он предстает носителем определенных переживаний себя как реального субъекта (действующего лица). Эти переживания являются объектным содержанием субъекта отношения, поскольку характеризуют его отношение к собственным мыслям, образам, мечтам и фантазиям, эмоциям, представлениям, желаниям и страстям, а также к другим объектам его психической деятельности, например таким, как психические процессы (мышление, память, восприятие и т. д.), состояния (радость и огорчение, активность и пассивность, решительность и нерешительность, уверенность и неуверенность и др.), свойства темперамента, характера и личности в целом. Перечисленные объекты психической деятельности эмпирического субъекта в различных исследованиях объединены в отдельные функциональные структуры «самости», такие как «Self-Image», «Self-concept», «Ego» и др., описывающие те или иные сферы отношений личности (интрапсихическую или экстрапсихическую). Так, представители теории объектных отношений (Н. Guntrip, Е. Jacobson, О. Kernberg, Н. Kohut, М. Mahler, D. W. Winnicott) подвергают анализу «внутренние психические объекты» («internal psychic objects»), «внутренний психический мир» («psychic inner world») и «внутренние объектные взаимосвязи» («internal object-relationships») посредством наблюдения за «эго» как первичной психической «самостью», которая пытается установить связи с внешними объектами. Свой главный акцент теории объектных отношений личности делают на процессе интернализации объектного отношения внутрь психики, которое порождает внешнее отношение как интрапсихический феномен.

¹ «(a) the Self as Knower, or I, i. e. the process of active experiencing; and (b) the Self as Known or Me, i. e. the content of that experiencing» [15. P. 50].

Каждая сознательная личность
способна переживать
собственную целостность

Два аспекта,
выделенных
У. Джеймсом

Идиографический уровень
Каждая личность обладает

и способна совершать

Структура «самости» по Р. Бернсу (см.: [15. Р. 51])

В отличие от западной методологической традиции усилия отечественных исследователей были сосредоточены на другом аспекте отношения личности к себе — «действующем лице», субъекте отношения — «Я» индивида. Наиболее методологично эта категория представлена в субъектно-деятельностной концепции С. Л. Рубинштейна.

Выделение «Я» — «действующего лица» — в концепции Рубинштейна связано с различением процесса («что-то происходит» в форме безличного предложения) и деятельности (человек что-то делает) (см.: [12. С. 65—71]). По мнению ученого, деятельность связана с произвольным действием, сознательно управляемым, отсюда эта деятельность необходимо предполагает действующее лицо, субъекта этой деятельности — «Я» данного индивида. Рубинштейн подчеркивает фундаментальное значение сознания для личности, тем не менее «Я» он не сводил к сознанию, психическому субъекту, а определял как человека, обладающего сознанием, наделенного сознанием, как сознательное существо, осознающее самого себя. В свою очередь, осоз-

нение себя как сознательного субъекта — «Я» — составляет самосознание личности и оно не сводится к осознанию своего сознания (знания о себе). Отсюда самосознание — это способность субъекта отнестись к тому, что существует в действительности не само по себе, а относительно к нему (см.: [11. С. 41—54]). Согласно С. Л. Рубинштейну, «Я» выступает как имеющее себя предметом отношения себя самого и как предмет самосознания оно предполагает единство *субъекта и объекта*. Рубинштейн считает, что неразрывность двух форм, в которых «Я» противопоставляет себя себе самому, составляет собственную природу понятия «Я».

Принцип субъекта в исследовании отношения личности к себе как к субъекту индивидуального уровня бытия человека. Исходя из анализа обозначенных философских представлений, можно заметить, что постановка проблемы «самости» в психологии связана не только с поиском источника ощущения «самости», определения ее родовой сущности и способа ее познания, но и с распространением методологического принципа субъекта. Рассмотрение этой *гипотетической сущности* в парадигме субъекта является перспективной методологической основой для сближения концептуальных предпосылок различных психологических теорий, разрабатывающих данную проблему. Еще большую значимость данный принцип приобретает в свете изучения отношения личности к себе, где субъектом отношения является личность, а ее *отнесенность* к себе представлена особым психическим образованием — «самостью», несводимой к самосознанию личности и тем более к личности как ее носителю.

Парадигма субъекта, разрабатываемая в трудах К. А. Абульхановой [2; 3; 5; 6], в частности в ее концепции о субъекте психической деятельности [1], может служить систематизирующим принципом в исследовании отношения личности к себе как к субъекту индивидуального уровня бытия человека. В этой связи «самость» личности предстает как объективная характеристика психической активности субъекта, которому она принадлежит. Соответственно можно предположить, что «самость» характеризует ту сферу индивидуального бытия человека, в которой «действующее лицо» (субъект сознательной деятельности, «Я») и эмпирический субъект (носитель определенных переживаний себя как реального субъекта) в психической жизни человека присутствуют в неразрывном единстве, целостности всех его свойств и качеств: природных, социальных, личностных и индивидуальных. Данное положение позволяет в определенной мере разрешить методологическое затруднение, которое было обозначено в самом начале, а именно в постановке проблемы «самости» и ее категоризации, а также является перспективным в исследовании *отнесенности* этого психического явления личности к субъекту отношения, обуславливающей отношение *личности к себе*.

Based on the analysis of some actual philosophical and psychological issues in the field of personality's psychological relations (the issue of the objective necessity of the subject of psychic activity, the source of that activity, and the character and the specificity of this source), the article discusses the methodological premises to the developing a conceptually different view on the self-relation phenomenon in psychology.

The key idea concerns a person's self-relation as the subject of psychic activity. This suggests the person as the subject of relation to its Self where the Self describes that domain of human being in which the subject and the object of person's self-referencing treatment exist in psychic life of human being as a totality of all its attributes: physical, mental and psychic, conscious and unconscious, public and private.

Keywords: individual level of human being, referencing, self-relation, «self», subject principle, personality's psychic activity, nominative self (psychic subject), personality's «self» structure, psychic relation, empirical self.

Литература

1. *Абульханова, К. А.* О субъекте психической деятельности / К. А. Абульханова. — М. : Наука, 1973.
2. *Абульханова, К. А.* Принцип субъекта в отечественной психологии / К. А. Абульханова // Психология : журн. Высш. шк. экономики. — 2005. — Т. 2, № 4. — С. 3—21.
3. *Абульханова, К. А.* Идеальность или реальность субъекта / К. А. Абульханова // Субъект и личность в психологии саморегуляции : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Моросановой. — М., 2007. — С. 31—45.
4. *Абульханова, К. А.* Сознание как жизненная способность личности / К. А. Абульханова // Психол. журн. — 2009. — Т. 30, № 1. — С. 32—43.
5. *Абульханова-Славская, К. А.* Методологическое значение категории субъекта / К. А. Абульханова-Славская // Диалектика человеческой жизни. — М., 1977. — С. 85—100.
6. *Абульханова-Славская, К. А.* Состояние современной психологии: субъектная парадигма / К. А. Абульханова-Славская // Предмет и метод психологии : антология / под ред. Е. Б. Старовойтенко. — М., 2005. — С. 428—450.
7. *Кон, И. С.* Категория «Я» в психологии / И. С. Кон // Психол. журн. — 1981. — Т. 2, № 3. — С. 25—38.
8. *Ломов, Б. Ф.* Психика как субъективное отражение объективной действительности / Б. Ф. Ломов // Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984. — С. 134—155.
9. *Мясищев, В. Н.* Психология отношений / В. Н. Мясищев ; ред. и вступ. ст. А. А. Бодалева. — М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2003.
10. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук ; Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 1999.
11. *Рубинштейн, С. Л.* Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. — М. : АН СССР, 1957.
12. *Рубинштейн, С. Л.* Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. — М. : Наука, 1997.
13. *Рубинштейн, С. Л.* Природа психического / С. Л. Рубинштейн // Основы общей психологии. — СПб., 2008. — С. 10—17.
14. *Ясперс, К.* Общая психопатология / К. Ясперс. — М. : Практика, 1997.
15. *Burns, R. B.* The self concept / R. B. Burns. — London : Longman, 1979.
16. *Edey, M.* Subject and Object / M. Edey // Models of the Self / ed. by S. Gallagher, J. Shear. — Thorverton, 1999. — P. 441—446.
17. *Guntrip, H.* Personality structure, and human interaction : The Developing Synthesis of Psychodynamic Theory / H. Guntrip. — London : The Hogarth Press, 1961.
18. *James, W.* The consciousness of Self / W. James // Principles of Psychology. — N. Y., 1890. — P. 291—401.
19. *James, W.* Psychology: briefer course / W. James. — London : Macmillan, 1892.
20. *Jung, C. G.* Definitions / C. G. Jung // Psychological types or The Psychology of Individuation / transl. from German by H. Godwin Baynes. — London, 1924. — P. 518—617.
21. *Mead, G. H.* The Self / G. H. Mead // Works of George Herbert Mead / C. W. Morris. — Chicago ; London, 1934. — Vol. 1 : Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist. — P. 135—226.
22. *Myers, G. E.* Self: an introduction to philosophical psychology / G. E. Myers. — N. Y. : Pegasus, 1969.
23. *Neisser, U.* Five Kinds of self-knowledge / U. Neisser // Philosophical Psychology. — 1988. — Vol. 1, № 1. — P. 35—59.
24. *Olson, E. T.* There is no problem of the self / E. T. Olson // Models of the Self / ed. by S. Gallagher, J. Shear. — Thorverton, 1999. — P. 49—61.
25. *Rogers, C.* Client-centered therapy: Its current practice, implications and theory / C. Rogers. — Boston : Houghton Mifflin, 1951.
26. *Strawson, G.* The Self / G. Strawson // Models of the Self / ed. by S. Gallagher, J. Shear. — Thorverton, 1999. — P. 1—24.
27. *Strawson, G.* The Self and the SESMET / G. Strawson // Models of the Self / ed. by S. Gallagher, J. Shear. — Thorverton, 1999. — P. 483—518.